

Современная политическая загадка¹

© кандидат филологических наук В. Н. Базылев, 1998

Характеризуя современный этап эволюции семиотических подходов к языку, Вяч.Вс. Иванов писал о переходе внимания с дискретных единиц на целостные тексты. В связи с этим появляется установка на понимание языка как творчества, объединяющая гумбольдтианскую и потебнианскую традицию с картезианской лингвистикой Н. Хомского, дополняемая учетом клишированных форм, характеризующий каждый речевой акт. Устное высказывание рассматривается как сочетание синтаксического и фразеологического (комбинаторно-лексического) стереотипа, определяемого нормой данного речевого жанра, с импровизацией в пределах, обычно задаваемых текстовыми традициями. Последнии могут обусловить сведение нескольких вариантов к одному прототипу или представление набора вариаций одной темы, а также требовать либо максимально точного воспроизведения текста с минимальным количеством новой информации, либо *vice versa* [2].

Такая текстовая деятельность (игра) человека связана с попыткой ответа на вызов вероятностного мира. Человек напряженно всматривается в свой внутренний мир, в систему социальных (межличностных) отношений. Он пытается у-гадать, раз-гадать, от-гадать, что стоит за за(га)данным синергетическим поведением как социальных систем (напр., малой социальной группы), так и отдельной личности [3]. Синергетический мир стучался и стучится в двери человеческого дома сознания, и раз-гадывательные практики открывают ему двери. Цель — постичь в этом загадочном (загаданном) сплетении бытия и духа нечто устойчивое, законо-мерное, пред-на-черта-нное и утвердить это достигнутое как причину-следствие. Загадка-разгадка — это реакция человеческого мышления на синергетичность бытия; она опирается на синергетичность языка и тем самым опредмечивает ее. Синергетическая парадигма мировидения и мироистолкования предлагает иное понимание целого [4]. Целое — мир, человек, его психика, его поведение, язык — не собирается из отдельных элементов, а формирует в своей эволюции

¹ Политическая загадка есть политика-загадка, своеобразный оксюморон, т.к. “политика есть искусство возможного” (Норман Мейлер), а “загадка — то, что говоря о действительно существующем, соединяют вместе с тем совершенно невозможное” (Аристотель) [1], т.о. возможное невозможное.

собственный элементный состав. Эволюция целого детерминирована законами (законо-мерностями) лишь на ограниченных временных и пространственных отрезках, где и когда возникает ситуация выбора — возможность минимально двух равновероятных путей эволюции; а случайность необходимым образом о-предел-яет становление новой необходимости. Причиной порядка выступает неустойчивость системы (целого). Устойчивость целого при этом не исключается, но, напротив, предполагается. Она существует за счет постоянного динамического (деятельностного) воспроизведения — константности. Эта константность сопровождается постоянным разрушением как злом, “выеданием” лишнего как необходимого процесса, обеспечивающего самоэволюцию мира в качестве целого. Зло (разрушение) играет роль резца, которым постепенно, но целенаправленно, устраняется все лишнее. Поскольку такие процессы есть проявление хаоса, то это не фактор разрушения, а фактор самоорганизации целого. Целое демонстрирует свою действительность в момент возникновения новой необходимости, удерживая необходимость своего существования. Но в негативном плане становится невозможным предсказание поведения целого лишь на основе исследования поведения его элементного состава². В синергетических системах элементы, организуемые в части формирующейся целостности, не образуются заново в ходе дифференциации. Эти элементы преднайдены для новой структуры. Более того, условием образования новой (иной) целостности оказываются те же взаимодействия между элементами, которые существовали и в условиях равновесия. Целое — это становление как движение к самому себе с позиций известного результата. В отношении языка речь идет о воспроизведении известного целого, а не о становлении принципиально новой реальности. Целое как тотальность может быть рассмотрено лишь исторически конкретно, как развертывающееся в самом себе и сохраняющее себя единство:

Вновь повернулся калейдоскоп, / Сложив, как всегда, узор красивый. / И хочется радоваться ему, / Не замечая того, / Что сложен новый узор / Из тех же стекляшек, что раньше (А.Березин).

Целостность и константность — этими двумя понятиями опосредованы искания вненаучной (вся мантика) и научной (естественнонауч-

² Собственно, это одна из глобальных проблем научной мысли: как соединить — не эклектико-механически, а органично — элементный подход-анализ с целостным (холистическим)? Это та парадигма, которую ищет (и пока не может найти) мысль человечества.

ные парадигмы: психология (от структурной школы Э. Титченера до теории поля К. Левина, Л.С. Выготского и Ж. Пиаже), история (“недвижимая история” Европы Ф. Броделя и Л. Ладьюри), социология) мысли европейского человека. Всё — мир (макрокосм), человек (микрокосм) в своем устройстве и деятельности, язык (граница макро- и микрокосма, поверхность типа ленты Мёбиуса и одновременно сфера, замкнутая “в себе самой и для себя”) — представляет из себя не поступательное, линейное движение — восхождение, а постоянное колебание вокруг некоей оси, колебание, нередко достигающее широкой амплитуды, но никогда не выходящее за грани о-пределенного, сулящее гибель (самоуничтожения) [5]. Это предполагает неустойчивость, что означает, однако, не абсолютно любое состояние, а лишь состояния, не выходящие за пределы детерминированной сферы (семиосферы по Ю.М. Лотману) [6]. Неустойчивость означает случайное (хаотичное) перемещение внутри вполне о-гран-иченной и от-гран-иченной области. При этом существует лишь о-пределенная стадия развития процессов, на которой структура становится неустойчивой. Поле путей эволюции в некотором роде детерминировано. Система не жестко следует предписанным ей путем, а совершает блуждания по полю возможного; актуализует, выводит на поверхность (всякий раз случайно) лишь один из путей. Случайные, незначительные изменения приводят к сплошным блужданиям по полю путей эволюции. Но в некотором смысле, на упрощенных моделях можно видеть все поле возможных путей эволюции. Все возможные пути — пути Дао — открываются как бы с птичьего полета. Тогда становится ясно, что ветвящиеся дороги эволюции ограничены. Конечно, если работает случайность, то имеет место блуждание, но не какое угодно, а в рамках вполне определенного, детерминированного поля возможностей³.

При всем том, что сказанное приближает нас к более или менее адекватной модели языка, оно явно недостаточно. Дополним наши рассуждения метафорой-процедурой: метафора “тела дракона”, состоит из “дракона” и “анти-дракона”, оба они вписаны в объемную сферу. А если

³ Описанный подход по-своему конструирует предмет исследования, а последнее требует выбора адекватного метода [7]. Техника структурного анализа и аппарат описания поэтического мира говорящего (загадывающего — разгадывающего проблему) соседствуют с инструментарием мифологической, психологической, феноменологической, культурологической и социологической школ. Объединяется этот конгломерат разнородных подходов общностью цели, исходящей из традиционной филологической преданности тексту и современного понимания художественного слова не просто как носителя содержания, а как воплощенного поступка [8].

мы примем за основу минимальность дуальных феноменов, то таких “драконов”, объемлющих сферы, может быть некоторое (более двух) количеств. Сферу можно раз-метафоризировать как репрезентативную сферу-карту, то есть генетически запрограммированную и социально реализуемую способность индивида распределять по отдельным локусам мозга (как материальной субстанции) на основе различных видов энергии информацию. Человек имеет возможность пятью способами соприкоснуться с миром: он слышит, видит, ощущает, обоняет и испытывает вкусовые ощущения. Кроме этого соприкосновения с миром внешним, со-существует соприкосновение со своим внутренним миром: пороговая и допороговая возможность. Язык опосредует в некоторых моментах это соприкосновение (по мере своих возможностей). Полученный опыт человек хранит в репрезентативной сфере, которая непосредственно связана с тем каналом, по которому проходит информация (в норме). Особенность феномена языка при этом состоит в том, что, будучи процессуальной сферой, блуждающей по физической реальности мозга, он (язык) наряду с мозгом является одновременно (парно) внешним и внутренним по отношению к макро- и микрокосму, к тому, что объемлет тело и является телом (ипостатью). При этом точки (сингулярности) — элементы сферной карты одновременно принадлежат некоему локусу, то есть объем и границы их распределения по/в сфере-карте прогнозируемо, и не принадлежит ему, то есть, активно функционируя, находится в хаотично-упорядоченном перемежении. Это перемежение хаотично-упорядоченно в том смысле, что может иметь разнонаправленное воздействие на смежные сферы; при этом плавное (упорядоченное) функционирование может сменяться катастрофой, перескакивая с одного ритма на антиритм. Энергетика языка представляет собой сборку (не пучок!) сингулярностей репрезентативных сфер-карт.

Если таким образом постигать человека и языка, то станет понятным взаимовхождение и взаимовненаходимость ритуала и загадки: ритуала как социорегулятивного поведения, реализующегося (в частности) через информативность, структурируемую языком; загадка как особый класс словесных текстов, создаваемых на адекватном языке, структурирующих информативность ритуала.

Загадка понимается не как вопрос и ответ. В гносеологическом аспекте вопрос и ответ являются разными сущностями. В вопросе представлено два или несколько возможных миров, которые эпистемологически понимаются как иные варианты видения реального мира. Спрашивающий соотносит эти возможные миры не с действительностью, а

один возможный мир с другим или целым рядом возможных миров, эксплицированных в вопросе. Вопрос и ответ не являются логическими отношениями (категориями). Их нельзя вместить в одно (единое замкнутое в себе) сознание. Всякий ответ порождает новый вопрос. В загадке этого нет и не может быть. Вопрос и ответ предполагают взаимную вненаходимость. Загадка есть игра вопроса и проблемы; при этом вопрос не порождает проблему, они независимы в плане отношений первичности-вторичности; но они зависимы, то есть не существуют друг без друга, они взаимодействуют, изменяются, взаимопроникают, входят друг в друга, образуя неразрывную систему взаимовключения. Игра взаимовключенности вопроса и проблемы есть игра вопроса и понимания, интерпретации, толкования, рефлексии.

Понимание в этом случае выступает как определенная (смысловая) организация знаковой формы текста, осуществляющаяся в ходе соотношения элементов текста с объектно-операциональными элементами ситуации (можно говорить, что таким образом восстанавливается структура смысла, заложенная в тексте вопроса процессом мышления), и структурирование плоскости содержания соответственно смысловой структуре текста. Кроме того, понимание не обязательно восстанавливает (ориентируется) именно тот смысл и то содержание, которое закладывается в текст вопроса и проблемы. В зависимости от принятого способа деятельности (во многих случаях этот способ выбирается из ряда возможных) понимание выявляет в одном и том же тексте разные смыслы и соответственно этому строит разные поля и разные структуры содержания. Таким образом понимание оказывается зависящим не столько от текста и производящего его мышления, сколько от более широкого контекста деятельности, в которую оно включено. Но это значит, что процесс понимания реализует эту зависимость и как бы извлекает структуру содержания из объекта и операций практической деятельности [9]. Интерпретировать проблему можно лишь с помощью изоморфной модели-метафоры, но невозможно растворить ее в понятиях; ее можно частично и относительно рационализировать (“обычный научный анализ”), либо откомментировать ее за счет расширения “далекого контекста”. Такое истолкование — игра с необходимостью уходит в бесконечность символов-смыслов, поэтому оно не может быть точным в смысле точности естественных наук; оно вненаучно, но глубоко познавательно; оно непосредственно служит практике, имеющей дело с реальной действительностью. Это не есть ненаучно, но инонаучно, что имеет свои внутренние законы и критерии точности (М.М. Бахтин) [10].

Возвращаясь к высказанному тезису о взаимовключенности и одновременно взаимовненаходимости загадки и ритуала, сформулируем несколько более конкретных тезисов-положений. Речь является отмеченной как по отношению к не-речи (молчанию), так и по отношению к другим знаковым системам; в этом смысле загадка как игра-диалог-текст отличается от институализованных инознаковых текстов эмоциональностью, аффективностью, импровизационностью (в теоретико-множественном понимании). Загадка выступает как некий импровизационный ритуал, потребность в котором возникает в крайних условиях, в том кризисном состоянии, для выхода из которого нет заранее предусмотренных стандартных средств и полагаться приходится на случать, шанс, удачу, вероятность которой вычислена быть не может^{4 5}. Ритуал и загадка касаются всего коллектива, но в какой-то момент весь коллектив как бы сливается в образе одного, кто подвергается ритуальному испытанию (ощущая себя жертвой). В этом отношении акт говорения есть знак готовности умереть. Но одновременно успешное прохождение ритуального испытания словом (загадкой) подтверждает право инициируемого быть (стать или остаться) или получить право обладателя слов и вещей (*magister verborum et rerum*). Ритуал загадывания призывает к разрешению проблемы, суля конкретные выгоды за успешную разгадку и неприятности за неумение сделать это. Но эта задача исключительно сложная. Более того, она единственна в своем роде, и нет стандартного способа решения этого вопроса-тайны, а условия ритуала (словесного поединка) весьма жестки: на каждый вопрос его участнику дается одна и только одна попытка ответа. Поэтому альтернативы нет, всякие или ... или ... исключаются, и, может быть, единственная возможность (она же единственная поблажка) состоит в том, что в определенных ситуациях вопрошаемый может ответить столь искусно (отчасти и таинственно-неопределенно), чтобы ответ, с одной стороны, был не ложен (то есть не противоречив явно «истинному» решению и не мог быть отвергнут с

⁴ Индивид и социум обладают неугомной, адаптивной по отношению к среде активностью. Рефлексия (самосознание, о-сознание) — один из моментов в этом континууме. Оно возникает, когда координация между средой и индивидом нарушается, и индивид (социум в целом), чтобы выжить, стремится приспособиться к новым обстоятельствам. Но до этого и для того необходимо ухватить и охватить что и как произошло с ним либо вне его [11].

⁵ Если стрессово-кризисной ситуация не является, то загадка как речь-событие вырождается в анекдот («рассеянность языка» по А.Бергсону):

Когда дурак умен бывает? — Когда молчит; Говорит армянское радио! Какой народ самый умный? — Спасибо за комплимент [12].

хода), а с другой, не претендовал на окончательность и “последнюю” точность. Иначе говоря, в этой ситуации признается допустимым неопределенный, отчасти тоже загадочный ответ (требующий интерпретации), помещающийся в пространстве между истиной и ложью, но от последней решительно отделенный при открытости (хотя бы потенциальной) первой. Такой “предварительный” ответ нередко не менее мудр, чем “последний” ответ, который после длинной серии удачных “предварительных” ответов приводит к ситуации, когда формулировка “последнего” истинного ответа становится иногда уже делом техники. Во всяком случае на каждом шаге состязания “предварительный” ответ этого рода спасителен для испытуемого ответчика и каждый раз он получает возможность облегченно вздохнуть [13]. Как и почему появляется такая возможность целого и перемежающегося? Дело в том, что язык есть постоянный процесс формирования мира в устно-слуховом артикуляционном контакте. При этом самоорганизация целого (языка-ритуала) характеризуется в культуре устойчивой тенденцией: константность и поверхностность усвоенного первично и постоянное отбрасывание (отторжение, увод в глубину) приобретенного позднее и более сложного (арте-феноменов). Неверен поиск первичного в глубине мозга и сознания (сенсорное ядро в структурной школе Э. Титченера; глубинность сферы бессознательного у З. Фрейда; архетипы К.Г. Юнга; глубины субъективности у Кьеркегора и пр.). По мысли Ж. Делёза, все возвращается к поверхности; поверхность есть лента Мёбиуса, так что её внешняя поверхность плавно переходит во внутреннюю и наоборот, весь мир обертывается — вовлекается в сферу, замыкается в ней, структурируется, перемежается. Дарование смысла происходит на поверхности — границе речи и событий. Речь-событие есть комплексный когнитивно-семантический феномен, фиксирующий определенное изменение фрагмента действительности; это когнитивно-семантическая деятельность субъекта, реагирующего на текст. При этом структура этого феномена-процесса раскрывается как единство прерывного и непрерывного. Прерывность (катастрофичность) есть признание возможности качественно-количественного преобразования количественно константного феномена — речи-события.

Речь-событие есть постоянное блуждание по сфере возможного. Но в некотором смысле все возможные пути (пути Дао) тоже не бесчисленны. Возможности хаоса ограничены. Всякое речь-событие детерминировано сферой возможного [14].

Речь-событие опредмечивается в загадке-ритуале⁶. Эту о-предме(т)-ченность и о-предме(т)-чиваемость мы рас-предметили на материале известной проблемы, прозвучавшей в эфире центрального ТВ 31 мая 1991 года: на вопрос телеведущего Игоря Фесуненко о родителя В.В. Жириновского тот ответил: “Мать — русская, отец — юрист” [15]. Вопрос и ответ, превратившийся в проблему, — проблему политического плана — явился загадкой-ритуалом, речью-событием в игре, игре инициационной: май-июнь 1991 г. — это первые президентские выборы в России. Несомненно, что организованная политическая жизнь есть игровой элемент культуры [16]. Несомненно также, что факт выбора в лидеры (resp. президенты) есть ритуал инициации — смены социального статуса конкретной личности. Ритуал инициации включает с необходимостью ряд испытаний, носящий в том числе вербальный характер. Присутствует агональный элемент социального общения. Роковая загадка принимает форму политической загадки: сквозь игру словно просвечивает фатальный вопрос Сфинкс(ы)⁷ — здесь в принципе та же самая ставка — жизнь, но либо политическая жизнь, либо политическая смерть лидера. Состязание (политическая предвыборная борьба-гонка⁸), посредством которого индивид завоевывает права лидерства, является не столько соревнованием, сколько борьбой не на жизнь, а на смерть.

Борьба за власть является, по словам А.Я. Гуревича, одной из профилирующих линий исторического развития. Со временем материализации облика власти в Европе нового времени начинает сопровождаться ее секуляризацией. Появляется то, что назовут “скромным обаянием власти” (М.А. Бойцов) или “нескромным обаянием власти” (А.Я. Гуревич). Семантика власти требует языка, адекватно отвечающего ожиданиям лидеров и подданных. Символы сменяются аллегориями. Аллегии стоят дороже символов [18]. Заданный вопрос в некотором отношении является ключевым (роковым) — это вопрошание о социальном и национальном статусе личности. Стоит, однако, помнить, что речь идет о ритуальном вопрошании, в котором истинное и ложное не релевантно, а значимо правильное и неправильное. Лишь ритуально правильное допустимо. Ю-цзы сказал: “Использование ритуала

⁶ “Человек по сути своей то, что он скрывает от других... Человек не поглощен всецело своей деятельностью, и чем шире размах деятельности, тем меньше он отдается ей” (Э.Мунье. Надежда отчаявшихся. М., 1995. С.8-9).

⁷ Симптоматично, что и Сфинкс и пресса ассоциируются в древнегреческой и современной русской культуре соответственно с женским началом.

⁸ Ср. античную традицию соревнования в беге за царство [17].

ценно потому, что оно приводит людей к согласию” [19]. Вопрос о социальном статусе (социальном происхождении) это проблема о том, в какой мере прошлое (история) индивида (его рода) о-предел-яют и о-грани(ца)-чивают возможную vs. действительную сферу его социально значимой и социально ценностной деятельности. В этой ситуации допустимы два оппозитивных решения проблемы: нерелевантность прошлого (исторической ретроспективы), релевантность настоящего-момента деятельности индивида и *vice versa* [20]. Одно фиксируется в европейской культуре, и так оценивается Дж. Фрезером: “Если у латинян женщины царской крови никогда не покидали родину и выходили замуж за мужчин другого племени, то становится понятным не только то, почему римскую корону носили представители других племен, но и то, почему в списке царей Альбы попадают чужеземные имена. При таком положении дел в обществе, когда знатность передается только по женской линии — другими словами, счет родства ведется по линии матери, а не по линии отца, — не возникает никаких препятствий на пути соединения самых знатных девушек с мужчинами низкого происхождения, с иностранцами или даже рабами при условии, что эти мужчины окажутся подходящими партнерами. Главное, чтобы царский род, от которого, как предполагалось, зависит существование и процветание народа, давал сильное и деятельное потомство, а для этого необходимо, чтобы представительницы царской семьи вынашивали детей от мужчины, в физическом и умственном отношении способных, по стандартам примитивного общества, выполнять функцию продолжения рода. Таким образом, на этой ступени общественного развития считается, что жизненно важное значение имеют личные качества царей. Будь они, как и их супруги, царского или божественного происхождения, тем лучше, но необходимости в этом нет” [21].

Иной подход к проблеме отрефлектирован древнекитайской конфуцианской (“социологической”) мыслью, и изложен у Сыма Цяня в “Трактате о обрядах”: “ Именно таким образом все различается: благородные несут обязанности благородных, низкие несут обязанности низких, должный быть большим остается большим, должный быть малым остается малым. Поэтому тот, кто владеет Поднебесной, приносит жертвы семи поколениям [своих предков]; владеющий княжеством приносит жертвы пяти поколениям; владелец земли, с которой поставляются пять боевых колесниц, приносит жертвы трем поколениям; владелец земли, с которой поставляются три боевые колесницы, приносит жертвы двум поколениям [своих предков]; те же, кто выкармливает животных для

простых жертв, не вправе воздвигать храм своим предкам. Так [люди] и различались: имевшие обильные заслуги распространяли свои милости широко; те же, кто обладал небольшими заслугами, распространяли свои милости скупой» [22].

Решение проблемы становится верным в зависимости от того, к какому ритуалу (ритуальной норме) тяготеет то или иное сообщество в конкретный исторический момент своего существования и сосуществования (с самим собой). Как кажется, в действительности имеет место колебание между вербально кодифицируемым образом политика и невербально ритуализованными ступенями его (политика) эволюционного инициационного продвижения (приближения к власти). Первая вербализована самим В.В. Жириновским в его ответе на вопрос журналистов: кто может считаться современным политическим деятелем? Ответ: «Я считаю, что политический деятель должен быть патриотом и честным человеком» [23]. Иное представлено в тенденции восхождения В.В. Жириновского по ритуальной лестнице власти: высшее образование — второе высшее образование — административная работа (Сов. комитет защиты мира, Высшая школа профсоюзного движения, Инюрколлегия, издательство «Мир») — председатель ЛДПР — депутат Госдумы — кандидат в президенты (параллельно шло повышение в воинских званиях вплоть до подполковника!) [24]. В этой связи показательна судьба Алексея Казанника — скачок (катастрофа) сибирского провинциала, заявившего о своей готовности стать президентом [25]. Вопрос о национальном статусе индивида не менее важен, а, может быть, и более значимо, нежели сведения о социальном статусе. Но важен он опять-таки не в плане истины или ложности, соответствия или несоответствия действительности, а в плане соответствия-несоответствия ритуалу. Неважно, кем в действительности является (у-рожден) лидер — грузином, украинцем или русским. Сыма Цянь: «Чжун-ни (Конфуций) говорил: «Принося жертву ди (правитель) лично производит возлияние жертвенного вина, но на то, что происходит потом, я не желаю смотреть» [26]. Важно имя, имя ритуально-инициационное, соответствующее нормам обряда, основа которого отграничить своего от чужого. Роль такого со-отнесения нельзя недооценивать. Оценка чужих моделирует самооценку, формирует этнические установки и выражения этнических предубеждений; может на ритуальном уровне предопределить отказ от приобщения к обряду [27]. Тогда необходимо, как говорил Конфуций, «исправлять имена». Тогда-то Гавриил Харитонович Попов (в материалах предвыборной первой кампании на пост мэра Москвы) име-

нуется греком, а Александр Исаевич Солженицын — Александром Ивановичем (“Антенна”)⁹. Именно в связи в этом на пресс-конференции звучит вопрос: Почему В.В. Жириновский носит редкую по нынешним временам фуражку, какую носили местечковые евреи до революции 1917 г. [28]. Именно в связи с этим газета “Московский Комсомолец” печатает материал о родителях В.В. Жириновского, отцом которого назван некто Вольф Исаакович Эйдельштейн и прочее и прочее. Это по форме т.н. еврейский вопрос в России, но по сути, лежащей на поверхности, проблема допустимости-недопустимости чужого, хотя и своего. Это то, что Л.С. Выготский в восприятии А. Белого, называл “лирическим антисемитизмом” в отличие от “непосредственного антисемитизма” [29]. Это антисемитизм анекдотов и непридуманных историй, где также присутствуют роковые политические загадки. Вот две из них [20]: Украинского литературоведа, человека аристократического немецко-русского происхождения Евгения Георгиевича Адельгейма исключали в 1949 году из партии. ... Решение, естественно, было predetermined, но он еще пытался “рипатись”. В ходе краткого и предельно ясного “обсуждения” кто-то не удержался и сказал: “Адельгейм скрыл, что он — еврей!” — Что я должен был ответить, — вспоминал спустя четверть века Е.Г., — неужели опровергать приписываемое мне еврейство? Очень уже это противно было... Я молчал. В это время попросил слово для справки человек, представлявший на заседании МГБ. — Хочу уточнить, товарищи, — сказал он, — последнее обвинение неверно. Предки Адельгейма покоятся на лютеранской территории Байкова кладбища. Мы проверяли, они нееврейского происхождения. — И представитель сел, несомненно сознавая, что он поступил согласно требованиям коммунистической нравственности. Реплика его была выслушана присутствующими с нескрываемым любопытством...

- В 1949 году, во время приснопамятной антикосмополитической кампании, кафедрой русской литературы Казахского университета заведовала Т.В. Поссе, дочь известного в свое время редактора марксистского журнала “Жизнь”, закрытого за опубликование “Песни о Буревестнике”. На одном из разоблачительных собраний она выступила совсем не так, как того от нее ожидало партийное руководство, и попыталась увести разговор в сторону от разоблачаемых. В перерыве к ней подошел секретарь парткома П.И. Тибекин. — Вот уж не ждал, Татьяна Влади-

⁹ Ничего необычного, то есть не свойственного в т.ч. русской культуре с семиотической точки зрения в этом нет (см. *Б.А. Успенский. Мена имен в России с исторической и семиотической точки зрения // Избранные труды. Т.2. М., 1994. С.151-163*).

мировна, что вы так поступите! . сказал он с возмущением. — Но, Павел Иванович, — ответила дочь приятеля горьковской молодости, вглядываясь в него через свое старомодное пенсне, — ведь и мой папа в свое время не принял участие в Кишиневском погроме. — Павел Иванович ничего не ответил.

Мы не случайно упомянули эпизод, в котором ответом-проблемой стало молчание. Именно благодаря этому ответу-молчанию проблема была снята. Молчание может быть приравнено к речевому акту или форме поведения, к поступку-антидействию или противодействию. Отметим, что в подобных вербальных ритуалах, даже если реальный собеседник присутствует, он не является субъектом тех перемен в состоянии дел, которых ожидает отправитель (исполнитель вербального ритуала). Здесь, в принципе, возможны две границы, в которых совершается выбор-колебание: важно то, что и как говорится, то есть формульность, при отсутствии акцента на то, кто, собственно, говорит; или же важно то, кто говорит (персоналия), при возможном отсутствии (в пределе) содержательного аспекта высказывания. При таком подходе вербальный ритуал стремится выродиться в невербальный, с одной стороны, а с другой, воплотиться в абсолютизированно-вербальный vs. неабсолютизированно-вербальный (у-молчание) [31]. Разумеется, молчание как решение проблемы допускается крайне редко; его осуществлению препятствует вербальная агрессивность, на которой в средствах массовой информации “основывается” объективность и заинтересованность. Эта характерологическая особенность может, как в нашем случае, проявиться в требовании подтвердить то, что общественное лицо оппонента запятнано [32].

Из этой ситуации проистекают такие вопросы журналистов к В.В. Жириновскому как : Как вы оцениваете роль евреев в сегодняшней России? Не думаете ли вы когда-нибудь действительно уехать в Израиль? И то, о чем мы сказали применительно к вербальному ритуалу, диктует границы сферы, в которых распределяются ответы-формулы-проблемы.

- Я оцениваю роль евреев точно так же, как и роль других граждан Российской Федерации.

- Главная цель сионизма — вбить клин между евреями-россиянами и другими народами страны.

- Антирусское правительство продолжает разрушать все, чем гордится Россия [33].

Формула проблемы, а не ответа на вопрос — в этом раз-решение загадки. Если бы на вопрос: Кто ваши родители? — В.В. Жириновский дал истинный (верный по содержанию) ответ, то он заведомо проигрывал в ритуально-агональном вербальном действе. Если бы он ответил логично (неверно по содержанию), то это тоже был проигрыш. Предполагалось, что в любом случае он проигрывал. Молчание исключалось правилом игры-ритуала, т.к. молчание есть окончание жеребьевки в игре, но в вербальном ритуале это невозможно, его смысл и цель состоит в том, чтобы ни одно решение не явилось окончательным, чтобы все они, разветвляясь, порождали другие [34]. Выход из проигрышной ситуации был найден за счет семантико-комбинаторных возможностей вопросительного местоимения кто в русском языке. Вопросительное местоимение кто обозначает вопрос об одушевленном предмете: какой человек? какое существо? Цель вопроса — установление личности человека (кто вы такой?). Оно не имеет морфологических категорий рода и числа [35]. Такое понимание недостаточно. Личность есть совокупность свойств, сущностных характеристик. Но это ведет к отсутствию стабильных материальных границ, а субъект в значительной мере утрачивает свои качества. Порождается асимметрия в трактовке конкретных понятий. Имя балансирует на оси собственное-нарицательное-категориальное. Интенциональность (значение дискретности перемежается с категориальной семантикой имени, “предметностью”) перемежается с экстенциональностью (имена с легкостью приобретают признак конкретности). Но следует учитывать, что конкретность порождает единичность имен, основной функцией которых является референция, обозначение одного (конкретного) объекта с данным именем, а не его характеристика [36].

В такую сферу перемежений-колебаний попадает и тот, кто задает вопрос, и тот, кто на него отвечает. Сравни:

Кто бы это? — Должно быть, Петруша (Тург. Холостяк).

Вам кого? — спросила она. — Хозяйку дома (Гонч. Обломов).

А хочешь ли ты знать, кто я таков? Изволь, скажу: я бедный черноризец (Пушк. Борис Годунов).

Так хороша? ... А кто она такая? — Собакина, купеческая дочь (Мей. Царск. невеста) [37].

Отвечая на вопрос (разгадывая загадку), В.В. Жириновский выгадал. “Мать — русская” — это проблема, которая интерпретируется (истолковывается) сразу в двух плоскостях-поверхностях: национальная принадлежность: национальная принадлежность, определяющая нацио-

нальность перспективно (“Я не смогу [уехать в Израиль], даже если захочу. Почему? . Потому что я не еврей. Да-да, вопреки тому, что иногда пишут обо мне, я русский человек, рожденный от русской матери и русского отца” (В.Ж.) [38]; но и социальный статус — этническая характеристика приобретает эквивалентность социально отводимого положения в “чужом” (не своем) этническом социуме. Сам В.В. Жириновский напишет так: “Национальный гнет я испытывал с самого детства. Я спрашивал маму: почему мы живем в таких плохих жилищных условиях? ... Мама отвечала: “Мы не казахи ...”. ... Мама работала в столовой института, и преподаватели ей часто рассказывали о вступительных экзаменах, как им жалко русских ребят. Отвечает русский — ставят два, отвечает точно так же казах — ставят четыре. Причина: нужны национальные кадры Дискриминация русских, национальный гнет повсюду, подавление везде — в экономике, культуре, юриспруденции” [39].

“Отец-юрист” — это проблема, которая также подлежит истолкованию в двух плоскостях-поверхностях (“все как на ладони”): определяется социальный статус (юрист, сын юриста, единственный политический лидер, претендующий на первую роль в государстве, имеющий два высших образования, в том числе юридическое, как бы семейная традиция — а это характеризует *modus vivendi* определенной социальной прослойки vs. традиционным партийным лидером советской эпохи, — что позволяет считать себя и выступать с позиций компетентного профессионала [40]; но наряду с этим в этом признании звучит и верный ответ на вопрос о национальной принадлежности — обыденное сознание сохраняет и по сей день этническо-профессиональный стереотип; таким образом метонимия обеспечивает эквивалентность профессии (юрист) и национальности (еврей)¹⁰.

Безусловно, ответ неверен, двусмысленен, не полон без дальнейшего истолкования (не случайно он сохранил метонимическую рефе-

¹⁰ Обыденное сознание сохраняет на поверхности многие исторические (диахронические) стереотипы: с одной стороны, т.н. черта еврейской оседлости (указ 23 дек.1791 г. и правила от 3 мая 1882 г.); с другой, — разрешение повсеместного проживания, связанное с определенной социальной принадлежностью (статусом): купцы I гильдии, лица с высшим образованием (в первую очередь врачи и инженеры, аптекари и фельдшеры), цеховые ремесленники. Интересно, что начиная с Судебных Уставов от 20 ноября 1864 не устанавливалось никаких ограничений для евреев в России в отношении занятий адвокатурой. Именно это послужило основой для становления описанного нами национально-профессионального стереотипа восприятия, хотя мотивы исторических действий были религиозными, экономическими, фискальными и пр. (см. Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон. — Т. XI. СПб., 1893. С. 426-466).

рентонную силу до сегодняшнего дня), но он оказывается правильным, ибо выигрывает (не проигрывает) в роковом агональном рече-событии, замкнутом в вербальном ритуале языка сферы. Тиресий — Эдипу: Пойди и подумай об этом, и если изобличишь меня во лжи, можешь говорить, что я ничего не понимаю в пророческом искусстве [41].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *А.Н. Журицкий*. Семантическая структура загадки. М., 1989. С. 3; *В.Г. Кротов*. Словарь парадоксальных определений. М., 1995. С. 269.
2. *Вяч.Вс. Иванов*. О взаимоотношении динамического исследования эволюции языка, текста и культуры // Исследования по структуре текста / Отв. ред. Т.В. Цивьян. М., 1987. С. 5-26. Здесь возможно (или предпочтительно) понимание текста по *В.Г. Адмони* как особого воспроизводимого высказывания (*В.Г. Адмони*. Система форм речевого высказывания. СПб., 1994. С.10-23). Подобная проблематика отрефлектирована прежде всего в отрасли языкознания, получившей название лингвистической комбинаторики. Целью исследования в ней — категории свободы и необходимости как в отдельных звеньях языковой системы, так и в системе как целом, а также причины и результаты перегруппировки элементов, систем и их преобразований (*М.М. Маковский*. Лингвистическая комбинаторика. М., 1988).
3. Синергетика представляет собой новое междисциплинарное направление в европейской научной мысли последней четверти XX века, связанное с именами *И. Пригожина* и *Г. Хакена*. Одной из главных задач синергетики является познание общих принципов, лежащих в основе процессов самоорганизации, реализующихся в системах самой разной природы. Эти системы, к которым относится язык, характеризуются такими общими признаками как открытость для вещества, энергии, информации; нелинейность, неравновестность, случайность преобразований и когерентное поведение на макроуровне. Это наука о нестабильном мире. Мир синергетики — это процессы возникновения порядка из хаоса, их взаимоперехода, образующие в причудливом сочетании регулярности и иррегулярности, предсказуемости и непредсказуемости тот неповторимый, но постоянно возобновляющийся узор событий, который нас окружает и частью которого мы сами являемся.
4. Самоорганизация и наука: Опыт философского осмысления / Отв.ред. *И.А. Акчурина, В.И. Аршинов*. М., 1994.
5. *А.Я. Гуревич*. Исторический синтез и Школа “Анналов”. М., 1993.
6. *Ю.М. Лотман*. О семиосфере // *Ю.М. Лотман*. Избранные статьи: В 3 т. Т.1. Таллинн, 1992. С.11-24.
7. *Р.М. Фрумкина*. Теория среднего уровня в современной лингвистике // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С.55-76.
8. *А.К. Жолковский*. Блуждающие сны и другие работы. М., 1994. С.9-10.
9. Загадка человеческого понимания / Под общ.ред. *А.А. Яковлева*. М., 1991; *Г.П. Щедровицкий*. Избранные труды. М., 1995. С.481-496; *В.В. Налимов*. Вероятностная модель языка. М., 1979. С.59, 83-84.
10. *М.М. Бахтин*. К методологии гуманитарных наук // *М.М. Бахтин*. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 361-373.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: «Филология», 1998. - Вып. 5. - 124 с. ISBN 5-7552-0124-2

11. М.Г. Ярошевский. История психологии. М., 1985. С. 331.
12. А. Бергсон. Смех. М., 1992. С. 68, 78; Г.Л. Пермяков. Основа структурной паремиологии. М., 1988; Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 2. М., 1994. С. 462; Это просто смешно! или Зеркало кривого Королевства. Анекдоты: системный анализ, синтез. Классификация. М., 1994. С. 183.
13. Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст / Отв. ред. Т.М. Николаева. М., 1994. С. 24, 32-33, 44-46; Паремиологические исследования. Сб. статей / Сост. и ред. Г.Л. Пермякова. М., 1984. С. 14-60; Малые формы фольклора. Сб. ст. памяти Г.Л. Пермякова // Сост. Т.Н. Свешиникова. М., 1995. С. 218-244; В.Н. Базылев. Язык-ритуал-миф. М., 1994.
14. Ж.П. Сартр. Проблемы метода. М., 1994. С. 17; Дж. Стюарт. Возвращаясь к символической модели: нерепрезентативная модель природы языка // Знаковая система в социальных и когнитивных процессах / Отв.ред. И.В. Поляков. — Новосибирск, 1990. С. 84-111; Ж. Делёз. Логика смысла. М., 1995; Т.М. Николаева. Теории происхождения языка и его эволюции — новое направление в современном языкознании // Вопросы языкознания. 1995. № 2. С.79-89; В.Я. Шабес. Событие и текст. М., 1989.
15. С.Н. Плеханов. Жириновский — кто он? М., 1994.
16. Й. Хейзинга. Homo ludens. М., 1992. С. 233-235. При этом возможны два варианта игры: “Происходит непрерывный матч, в котором определенные матадоры пытаются объявить друг другу шах и мат, не нанося при этом ущерба интересам страны, которой они служат с полной серьезностью”. Или же: “Практика многочисленных государственных партий, которые по большей части представляют интересы личные и групповые и которые вопреки всяким государственным интересам своей политикой свержения кабинетов то и дело ставят страну перед лицом опасных политических кризисов”.
17. Дж. Фрезер. Золотая ветвь. М., 1980, С. 182-183.
18. Одиссей. Человек в истории. Представления о власти. М., 1995.
19. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. I. М., 1972. С. 142.
20. Иначе это связано с оппозицией личность-индивидуальность. См. Одиссей. Человек в истории. Личность и общество. М., 1990.
21. Дж. Фрезер. Указ соч. С.179.
22. Сыма Цянь. Исторические записки (“Ши цзи”). Том IV. М., 1986. С.66.
23. В.В. Жириновский. Жириновский отвечает журналистам. М., 1995. С. 3. Следует обратить внимание на систему экзаменов, существующую в средневековом Китае, как языковую форму инициационных обрядов (см. В.Я. Сидихменов. Китайцы прошлого. М., 1974. С. 232-239).
24. А. Масолов. Юрист, сын юриста // Политика 1996. 12 февраля. С. 24-27.
25. С.Н. Плеханов. Указ.соч. С. 151-153.
26. Сыма Цянь. Указ.соч. С. 61.
27. Ю.А. Сорокин. Этническая конфликтология. Самара, 1994; Т.А. ван Дейк. Язык, познание, коммуникация. М., 1989; Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
28. В.В. Жириновский. Жириновский отвечает журналистам. М., 1995. С. 8.
29. А. Эткнд. Содом и Психея: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996. С.276.
30. А.Л. Жовтис. Непридуманые анекдоты. Из советского прошлого. М., 1995. С. 84-85, 120.
31. Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: «Филология», 1998. - Вып. 5. - 124 с. ISBN 5-7552-0124-2

32. Диалог: теоретические проблемы и методы исследования. Сб. научно-аналитических обзоров / Отв.ред. *Н.А. Безликова*. М., 1991. С. 64-65.
33. *В.В. Жириновский*. Последний удар по России. М., 1995; Пресс-служба Владимира Жириновского уполномочена заявить и сообщить. М., 1995.
34. *Ж. Делёз*. Указ. соч. С. 83; *Л. Витгенштейн*. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 82, 88-89, 126-127.
35. Русская грамматика / Гл.ред. *Н.Ю. Шведова*. Т. I. М., 1980. С. 537.
36. *Д.И. Руденко*. Имя в парадигмах “философии языка”. Харьков, 1990.
37. Словарь современного русского литературного языка. Т. V. М.-Л., 1956.
38. Ср., однако, другую реплику: “Я родился в доме, где жили одни русские, и во всем городе были в основном русские, да и до сих пор там 86% населения — русские. Поэтому я всегда считал себя русским как рожденный русской женщиной Александрой Павловной Жириновской, урожденной Макаровой ... Русские люди основали этот город [Алма-Ата]. Поэтому я по праву могу считать, что родился в России среди русских ... “ *В.В. Жириновский*. Последний бросок на юг. М., 1995. С. 5-7.
39. *В.В. Жириновский*. Последний бросок на юг. М., 1995. С. 11. С этим связана проблема национального плана-поверхности, отраженная в программных документах ЛДПР. См.: *В.В. Жириновский*. Последний вагон на Север. М., 1995.
40. См. в этой связи самооценку В.Ж. и оценку своих оппонентов и предшественников в книге “Последний бросок на юг”. С.24-25, 28-29. “Иногда некоторые мои противники говорят: Откуда он взялся, мы его не знали. Человек образованный, с двумя университетскими дипломами, говорит на европейских языках — откуда он появился здесь, этот обломок той, процветающей России прошлого века? Остальные чувствовали себя изгоями, пролетариями, неузнанной и неопознанной интеллигенцией...”. А также оценку, данную В.Ж. в предисловии к книге “Последней вагон на Север” А.В. Чуриловым (с.3): “И, наконец, — он удивительное современен. Не думаю, что настольные книги Жириновского Бахтин и Делёз, но, пожалуй, он — единственный российский политик, ощутивший дух эпохи — эпохи “развитого постмодернизма” и пытающийся адекватно решать насущные проблемы”.
41. *Софокл*. Царь Эдип. Стрф. 460-462.